

НЕРАЗОРВАННОЕ БРАТСТВО

Мы сидели на огромном продавленном диване, неведь как затащенном в тесный блиндаж. Кожаная обивка его, прожжённая нечаянным пеплом с окурков, местами рыжела пятнышками ссохшейся крови. Было и без расспросов ясно, что порой на этом диване, стиснув зубы от боли, ждали эвакуации раненные, и некоторые, возможно, так и не дождались.

Юрий листал простенький целлофановый фотоальбомчик – изрядно потрёпанный, захватанный тысячью рук. Он показывал мне снимки своих боевых товарищей и объяснял, кто есть кто и чем знаменит. Странно, но на фото почти все они были похожи, как братья, рождённые одной матерью – войной.

Выцветший камуфляж, потёртые «разгрузки» с оттянутыми кармашками, на руках по-отцовски бережно баюкают, словно непоседливых младенцев, своих верных «калашей». Коротко и кое-как стриженные, но давно не бритые. Некогда, да и не место для лоска. Молодые и не очень, а, впрочем, не разберёшь – война стирает возраст. Высокие и коренастые, тушистые и подбористые, однако все до одного непробиваемо крепкие, надёжные, как щит Ахиллеса. На мужественных лицах добрые улыбки – ведь не на страх врагам фоткались, а для друзей и близких. Оттого и не страшные они для хороших и мирных людей, какими всегда были русские солдаты.

Юрий почти неотличим от них. Хотя на фотографиях его легко угадать по снайперке-«СВДшке»¹, с которой он неразлучен уже третью войну. Она и сейчас рядом с ним – заботливо почищенная, перебинтованная защитным «хаки», как бы тоже в военную форму одета, прислонилась к дивану, словно бы устала, отдыхает пока...

– Это Федя «Почём фунт лиха», – Юрий ткнул пальцем в весёлого большеголового парня. – Присказка у него такая. Золотой парень: и сам испытал, что почём, и нацикам даёт прикурить... Рядом с ним – Миша «Наискосок».

– Позывной такой?

– Не-е, – улыбнулся Юрий. – Позывной у него «Ветер», а «Наискосок» – потому что ранило его в шею, жилу какую-то повредило, вот так теперь и ходит, скособочившись, вроде как юзом. Не удивляйся, на войне юмор черней, чем на гражданке. Миша не в обиде... Это Рафа, – продолжал он, листая слипшиеся страницы. – Отчаянный – на «Леопарда» в одного попёр и сжёг... Гоша «Чупа-Чупс», ты его видел. Однажды негра в полон взял – страшенно-го, как Кинг-Конг. Притащил его в окоп, так мы тут чуть со страху не обде-

¹ СВД – снайперская винтовка Драгунова

лались – и так ночь кромешная, а тут такое афроамериканское видение! С британским паспортом... А это Сеня «Си-4». Минёр. Недавно чуть нас не подорвал. Но братвой прощён – проставился как полагается... Рядом с джипом – Женя...

– Ого! Да это же Захар Прилепин! – воскликнул я. Его умную лысую голову ни с чьей другой не спутаешь.

– Для вас, пишущей братии, Захар, а для нас – Женя.

Радостно встретиться с любимым писателем, пусть даже на чужой фотографии. Не дождётесь, гады! «Убилка» ещё не отросла у вас на Прилепина...

– А это кто? – указал я на бородатого крепыша в сером камуфляже, что под свет блиндажной коптилки с улыбкой чокался стаканами с Юрием.

– Не узнаёшь? Рамзан Кадыров собственной персоной.

– Со стаканом-то? Вроде вера не позволяет...

– На войне и им можно, – пожал плечами Юрий и подмигнул: – Но там минералка. Рамзан в вере, как и в бою, крепок... Во-от – а это Саня Гришин, позывной «Спикер», он на самом деле в Думе сидел, оттуда и на войну ушел. Ранило его недавно, а то бы познакомил. Что, не веришь? И такие депутаты тоже бывают... А это «Мангуст» – Саша Стефановский, геройский парень. Давно уже погиб, когда вся эта мясорубка ещё только разгоралась и многие стыдились называть ее войной. Сейчас-то прозрели... Улицу в Перми его именем назовут – вот увидишь!.. Костя Светлов, Андрюха Тютиков, Лёша Назаренков...

– А они почему без позывных?

– Не нужны им больше позывные, дружище... Там, – поднял он брови вверх, – позывные ни к чему. Если требуется, Бог по именам их зовёт, что матери при крещении дали.

Мы помолчали, помянув своих друзей, кто сражался со злом, но не дошёл, не дотянул, сгорел, как Прометей, или угас, страдая от людской лжи, фальши и лицемерия, в почёте или в забвении, во славе или, наоборот, в поношении, но до конца оставаясь верным своему святому долгу. Тех, кто пал за Родину и «за други своя», чтобы жили мы. И победили зло! Не так и мало их было, увы, у всех нас. Но у Юрия, конечно, больше...

По позициям ударили натовские «155-е». За шиворот посыпались песчаные струйки, сырое земляное крошево забарабанило по дивану, пачкая фотографии.

– Не бойсь, не прошибёт. – Юрий сдул грязь с фотоальбома и ободряюще подмигнул. – «Землянка наша – три наката!»

– «Сосна, сгоревшая над ней», – кстати вспомнилась песня на стихи Михаила Матусовского.

– Точно! Ты, гляжу, в теме! – Юрий тоже наизусть знал эту песню. – Только у нас вместо сосны – сгоревшая «шеви-нива». Заметил? Пьяные нацики ночью заплутали. Ну, а мы подпустили гадёнышей поближе и гранаткой угостили.

– Странно, вроде у себя дома – и заблудились...

– Всякое бывает. Но там галичане были и еще какая-то западенская нерусь. Так что не они у себя дома, а мы. Наша это земля! Приглядишься, какая она богатая, красивая, хоть и не шибко сейчас приглядная – досталось ей ни за что ни про что.

Посветлу мне удалось разглядеть остатки яблоневого садочка. Искромсанные пулями деревца не хотели умирать. Тяжелые от плодов ветки, словно ампутированные осколками руки, засыхали рядом, а яблоньки загородились плачущими соком кульями – остановись, человек, не надо, не убивай...

Почти до горизонта стлались когда-то ровные, как аэродромные полосы, пшеничные поля, но теперь они изрыты воронками, прыщавятся бугорками спрятанных в землю мин. Отдыхала земля от жатвы, готовилась к следующим хлебным родам, но напрягли её другой, смертельной ношей. И стало пшеничное поле минным...

Большое село, ещё совсем недавно шумное и людное, опустело, как брошенное птицами гнездо. Оно пока не совсем сожжено, только поранено, испятнано следами пожарищ, что, словно гнилые зубы во рту, чернели среди белых хаток-мазанок. Вдоль стены небольшой старенькой церквушки – небурные леса. Мёртво, словно повешенный фашистами партизан, качался на звоннице обугленный колокол. Опоганили церковь нацисты, устроили там огневую точку... Село, как и сад, хотело жить. Кое-кто из хозяев упрямо отстраивался, кирпичик к кирпичику клал ряды прямо под обстрелами, другие, как могли, замаскировали свои недострои, в надежде, что вернутся и достроят, когда не будет тут «хаймерсов»², «точек «У»»³, бандеровских нацбатов и щемящего страха за жизнь своих детей. Когда придут, наконец, наши – русские, что уже освобождали это село от нацистов в далеком 1943-м...

² HIMARS (англ. High Mobility Artillery Rocket System) – высококомбинированная артиллерийская ракетная система, разработанная в США. Используется Военными силами Украины

³ «Точка-У» – тактический ракетный комплекс, разработанный еще во времена СССР, способный поражать цели на расстоянии до 120 км. Используется Военными силами Украины

– А где семейные фото? – спросил я, чтобы поскорее оборвать тягостное молчание. – А то одни военные...

– Разорвал.

– Как? Зачем?

– Пришлось так сделать, – вздохнул Юрий. – Заметил, что все фотки новые, недавно напечатанные? Кроме одной.

Юрий достал из альбома квадратик от «Поляроида», что были в большой моде в 90-е годы. Со слегка выцветшей карточки глядели два молодых спецназовца – Юрий со своим боевым другом. Я обратил внимание, что края снимка были сильно измяты, словно кто-то пытался порвать фотографию.

– Эта единственная, что уцелела в бою. И её хотел уничтожить да не вышло...

– Но зачем?!

– Зачем? Сейчас расскажу, и всё поймешь.

...Под покровом тумана разведгруппа легко просочилась в тыл националистов. Осмотревшись, насколько это было возможно в непроглядной гуще белой измороси, бойцы решили занять двухэтажный коттедж. Местоположение его обещало хороший обзор – не теперь, конечно, а утром – а крепкие, на совесть слепленные стены – надёжное укрытие.

Однако когда туман рассеялся, разведчики поняли, что угодили в самое логово врага. Буквально в квартале от коттеджа «вэсэушники» скрытно накапливали штурмовые группы, чтобы атаковать наши рубежи, и накопили уже изрядно – не меньше батальона.

– Мы тут как коты на собачьей свадьбе, – всматриваясь вдаль через бинокль, невесело пошутил Юрий.

– Если заметят – кранты нам. Восьмером против пяти сотен рыл – минут пять боя, и то, если минами не обложат...

– Но и пропустить их мимо себя мы не имеем права. Не поймут нас... Что со связью? – спросил Юрий.

– Глухо...

– Вот некстати! Придется самим как-нибудь держаться. И делов-то – по полста «укров» на брата? Неужто не одолеем?

Но решение пришло само собой. «Укры», похоже, тоже с самого начала облюбовали выгодный в плане обзора и огня коттедж. Сторожко озираясь, к дому приближалось несколько вооружённых до зубов нацбатовцев. Двое верзил, побагровев от тяжести, вниз треногой волокли гранатомёт-«сороковку». Они ещё не знали, что их участь уже была решена...

– Вот что, хлопцы, принимаем бой – иного выхода нет! «Спикер», «Ветер», «Очёра» – южная и западная стены. «Мака», «Шах» и «Толстый» – держим северную. А мы с «Бондом» гостей встретим, – вынимая нож, приказал Юрий. – По местам!

...Бой затянулся не на пять минут, а на два с лишним часа. Погиб бесстрашный «Бонд». В углу, укрытый бронежилетами, булькая горлом, бессвязно бредил и срывал с себя окровавленные марлевые повязки раненый в шею «Ветер». «Шах», мешая русские и татарские ругательства, одной рукой набивал автоматные магазины патронами, потому что вторая, перебитая пулей, висела беспомощной плетью. Остальные ещё держались, вели скупой огонь, хотя досталось на орехи каждому – оглушённые взрывами, посечённые осколками, перемазанные в своей и чужой крови разведчики стояли насмерть. Вокруг дома в разных позах «ведьминым кругом» лежали убитые и раненые «нацики». Густо, иногда и друг на друге...

Украинские «БТРы» не смогли перебраться через развалины, но издали щедро дырявили неприступный коттедж длинными очередями. А у наших – каждый патрон на счету...

– У меня всё! – досадливо хлопнул по разгрузке «Спикер». – Высох...

– И я пустой... И у меня слёзы. Даже застрелиться нечем... Последний рожок! – с сожалением отозвались бойцы.

– «Птички» кругом, и хоть бы одна наша, – обшарив небо, сплюнул «Мака». Беспилотники, словно нудные бормашины, зудели над домом, норовя залететь прямо в окна. – Похоже, погибаем, братцы?

– Сдавайтесь, москаляки! – басом выкрикнул нацбатовский офицер, прячась за остовом сожжённой легковушки. Он понял, что боеприпасы у наших давно на исходе.

– Пошел ты, знаешь куда! – Юрий отцепил последнюю гранату и, до слёз сожалея, что она последняя, швырнул её на звук голоса. После взрыва бас сменился поросычьим визгом смертельно раненного животного – не жилец был тот офицер...

– Ну, молитесь, русьня собачья! Мы идём вас резать! – пошли на штурм нацисты.

Но так просто разведчиков не возьмёшь – погибая, возьмут с собой по несколько гадов. Утащат на тот свет, а уж там Бог распорядится – кого в ад, кого в рай. Наши-то в рай особо и не просились – гордые. Некогда молиться... Ещё есть ножи, приклады, руки и ноги, зубы, наконец. «Нацики» это тоже очень хорошо понимали, поэтому на рожон лезть не спешили. И так уже потеряли больше, чем нужно...

«Снайперка» Юрия сухо щёлкнула последним выстрелом – нацистский пулемётчик ткнулся носом в землю. В пистолете, он знал, ещё оставалось пара патронов. Но это потом, успеется...

Юрий раскрыл рюкзак. В сторону отброшены банка тушенки, новая, ни разу не надёванная тельняшка, тёплые носки – из посылки от пермских бабушек. Простите, дорогие, жаль, не поносил... Альбом. Юрий зубами снял с руки беспалую перчатку и начал выковыривать из целлофана любимые фотографии.

«Мама, батя – а-а, не журитесь. Правильно воспитали, может, как раз для этого момента», – Юрий крест-накрест порвал фотографии. Не хотел он, чтобы после его гибели, нацисты глумились над святыми для него снимками.

Жена с ребятами. «Прощайте, родные! М-м-м, как хочется вас обнять!» – и эти фото тоже в труху.

Друзья. Спецназ ФСБ – элита, герои чеченских войн. Как вас сейчас здесь не хватает! «Не увидите вы элиту, бельмо вам на глаза!» – и целую пачку, как карточную колоду, разорвал сильными пальцами...

«Прощай, братуха!», – глянул Юрий на поляроидную фотографию, где он такой молодой и красивый, со своим боевым другом на 1-й Чеченской. Он привычно рванул снимок, но... тот не поддавался. Юрий и так и сяк мял фотографию, даже зубами пытался – тщетно! «Не рвётся братство!» – невесело усмехнулся Юрий и уже достал нож, чтобы разрезать снимок на мелкие кусочки. Но в это время...

«Дуфф-дуфф-дуфф», – вокруг коттеджа кучно легли несколько мин, накрыв подступавших к нему «нацбатовцев». С леденящим душу посвистом вдоль улицы пролетел гранатомётный снаряд, ударив точнехонько в бок стоявшему в засаде БТРу. «Тикай, хлопцы!», – слышались крики растерявшихся «укров». А из соседнего квартала раздалась густая автоматная трескотня и гортанный боевой клич:

– Аллаху акба-ар!

Никогда не думал Юрий, что так рад будет этому кличу, ведь на прошлой войне, в 1995-м, он имел для него совсем иной смысл. «Значит, проживём еще», – обрадовался Юрий, пряча строптивую фотографию в поредевший альбом.

Когда «ахматовцы» очистили улицу от врага, к коттеджу подошел длиннорылый крепыш с хищным орлиным носом – ну, вылитый Рамзан Кадыров. Оглядев трупы убитых разведчиками нацистов, он уважительно покачал головой и поцокал языком. Увидев в окне Юрия, «ахматовец» улыбнулся и отсалютовал ему буквой «V». А Юрий в ответ прочертил в воздухе «Z» – словно как перекрестился...

– На-ка, попробуй, порви сам, – Юрий протянул мне снимок.
– Ой, нет уж! А вдруг получится? – отдёрнул я руки.
– Смелей-смелей! Не получится... Есть вещи вечные – дружба, честь, совесть, долг, Россия. Они не рвутся.

Силушкой Бог меня не обидел, но как ни пытался я порвать фотографию, ничего не вышло. Видимо, и правда нет такой силы, что сможет разорвать наше боевое братство. И те, кто решил снова испытать его, сами уже давно это поняли.